

РАССКАЗЫ

ТУРИСТУ О ПЕТЕРБУРГЕ

– Тебе из Штатов звонили, какую-то работу предлагали. Я спросонья не понял, – сказал сын, когда я сидела на кухне в раздумье: почему раз в три дня поджигают мой почтовый ящик.

– Работу в Америке? Какую? Кто звонил?

– Было плохо слышно. Да ты расслабься, еще позвонят.

– Ты не спутал? Может, молочница из Токсова звонила?

Сын не ответил. Его безразличие к любой жизни, включая собственную, с некоторых пор перестало меня огорчать. Я решила толковать это равнодушие как юношеское богоискательство и временно перешла на автономное плавание по маршруту кухня – ванная – закуток в коридоре.

Всю следующую неделю я первая подбегала к телефону: боялась упустить работу в США. Наконец, в пять утра, Америка позвонила.

– Натуля? Привет, зайчик.

Звонила Валька, с которой мы сто лет назад учились на курсах иностранных языков. Зайчик, так зайчик. Прошлый раз я была пупсик. Валька, ленивая, вульгарная, стала директором турфирмы в Нью-Йорке! А где я с моим красным дипломом? Попрошу, чтобы меня с ним похоронили. Пусть положат диплом с отличием на мою остывшую грудь.

– Натик, есть предложение. Мы выпускаем новый путеводитель по Санкт-Петербургу, вернее, обновляем старый. У вас там каждый день всё меняется. Надо проверить названия улиц, телефоны, как работают музеи. И еще написать что-нибудь новенькое про хобби русского народа. Ну там катание на тройках, перетягивание каната. Придумай позавлекательнее, с экзотикой!

– А на каком языке писать про хобби?

– На китайском. Ты что, еще не проснулась? По-английски, конечно. У тебя в запасе четыре месяца. Плачу тысячу зелеными.

– Ой! Я не настолько знаю английский...

– Не дури. Высылаю тебе старый путеводитель экспресс-почтой. И – за работу, товарищи. Всем комсомольский привет.

Я встала с постели и включилась в работу. Сняла с книжной полки «Книгу о вкусной и здоровой пище». Попробуйте перевести на английский язык «вертуту с тыквой» или «бабку морковную».

Четырех месяцев явно не хватит. Я открыла окно, надеясь, что свежий воздух прогонит остатки сна. Пейзаж за окном не радовал: меховая фабрика, давно закрытая на радость соболям и норкам, и автобаза, где жизнь еще теплилась: таякала собака, и иногда из ремзоны выходил гражданин в ватнике. Назад он возвращался с бутылкой.

Возбуждение от разговора с Америкой еще не улеглось, а американский путеводитель по Петербургу уже лежал на моем столе. Это была толстая книга,

составленная журналистом-советологом Марком Ахалтекинским. Марк писал путеводитель по принципу: на знакомство с городом у вас есть один, три, пять, десять дней. Кто приехал в один день, тому советолог предлагал следующий маршрут: «После завтрака в гостинице “Астория” отправляйтесь пешком мимо мемориального здания ЧК (впоследствии КГБ) на Дворцовую площадь, где в любую погоду вы ощутите ветры истории, сдувавшие царей и их слуг с насиженных тронов. Подойдите поближе к Александровской колонне, чудом не опрокинутой рабочими и казаками, посланными Троцким штурмовать покои царевен. Ульянов-Ленин, переодетый в женское платье и в парике, скрывался в это время от юнкеров на конспиративной квартире. Вы проголодались? Хороший кофе можно получить в гранд-отеле “Европа“, поэтому поверните направо, под арку Главного штаба, до сих пор занятого военными, землистые лица которых иногда мелькают в окнах, заставляя прохожего ускорить шаги. Политруков в русской армии, кажется, больше нет, но в любой момент они могут снова понадобиться государству. Впечатление от изумительного Невского проспекта бывает омрачено из-за назойливых цыганских женщин, хватающих вас за рукав. Русские гиды советуют не вступать с цыганками ни в какие контакты. Однодневную экскурсию закончите в Никольском соборе, где вы убедитесь, что Россия встретила, наконец, с Богом. Прелестные девушки, украшающие цветами свою любимую икону, останутся в вашей памяти, и вам снова захочется приехать в этот город былого величия, столицу империи».

Туриста, приехавшего в Питер на десять дней, отправляли не только в Пушкин – Павловск – Петергоф, но и в Гатчину, с глаз долой. Стиль изложения оставался тот же: смесь исторической галиматии и лирического журчания. «Думаю, что вы не откажетесь, после незабываемой прогулки по набережным, заглянуть в ресторан “Калинка“. Одетые в камзолы официанты угостят вас сперва бутербродом с икрой и осетриной на вертеле. А после огненных щей и ледяной водки пронизывающий ветер с Балтики покажется вам освежающим дуновением».

Первым желанием было пойти на почту и послать господина Ахалтекинского туда, откуда он пришел – в Нью-Йорк. Но жаль было денег на отсылку. В чем, собственно, моя задача? Включить в список новые гостиницы и убрать закрывшиеся рестораны. А исправлять сами тексты меня никто не просил.

Я почувствовала прилив энергии, как бывало всегда перед невыполнимой задачей.

Начать я решила с музеев. Указанные в путеводителе улица Красной связи и Аллея пионеров-юннатов теперь наверняка называются по-другому. До десяти утра учреждения культуры не отвечали. Я составила список дворцов-музеев и пошла от пригородов к центру, сужая круг.

- Здравствуйте. Это Павловский дворец?
- Это научный отдел музея.
- Скажите, пожалуйста, какой у вас адрес?
- Зачем вам адрес? Нас с вокзала видно.
- Мне нужно точное название улицы.
- Не морочьте мне голову. Любой прохожий вам покажет.

Больше в научные отделы я старалась не звонить. Также бесполезно было выспрашивать вахтеров.

- Ой, я не знаю. Я сутки дежурю, два выходной.
- Да вы сделайте пять шагов. У вас на двери должна быть табличка «Время работы».
- Не имею права отлучаться. У нас строго.

Что этот старый хрыч стережет в Музее гигиены? Экспозицию «Здоровый образ жизни»?

- К вечеру первого дня я стала сдавать. Каждый третий звонок – мимо.
- Я звоню в Дом офицеров?

- Вы звоните в буддийский храм.
- Скажите, это консульство?
- Это курсы переподготовки охотников.

Однажды – уж не помню, куда я звонила – взяли трубку и, по-европейски, сами представились: «Клизменная».

В программе пребывания, рассчитанной на три дня, была страничка «Где заняться спортом».

1. Спортивный клуб Армии. (Сейчас, так вас туда и пустили).

2. Ассоциация керлинга. (Первый раз слышу. Нет времени выяснять. По тому же телефону указаны шейпинг и бодибилдинг, поэтому менять ничего не будем. Наверное, американцу без керлинга дня не прожить).

3. Секция спортивного ориентирования «Азимут». (Ну это еще куда ни шло. По крайней мере турист не заблудится в Летнем саду и выберется по компасу из Уткиной заводи).

В путеводителе было написано: «Покатайтесь на коньках в Таврическом саду. Спортивную экипировку вам выдадут тут же за символическую плату». Насколько я помню, Таврический сад весь перекопан...

- Здравствуйте. С кем я говорю?
- С сантехником говорите.
- Помогите мне, пожалуйста. Мне нужно узнать, работает ли у вас каток.
- Какой, к черту, каток летом?
- Да, вы правы. А зимой каток заработает?
- Зимой мы тут сами коньки отбросим.

Больше всего хамили работники таможни и администраторы оперных театров. То «все справки платные», то «по телефону справок не даем». Но были и добрые голоса. Старушки, которым хочется поговорить, да не с кем. Звоню в солярий «Благовест», проверяю, по-прежнему ли третий четверг каждого месяца – выходной.

– Гуленька моя, у нас заведующая с деньгами сбежала, а у главного бухгалтера опухоль нашли в голове. Прихожу сюда только цветы полить. Я ведь всю блокаду, от звонка до звонка...

Бабушка, миленькая, нет времени слушать твою биографию. Доллар ждать не будет. В график не укладываюсь.

Покончив с музеями, я вздохнула с облегчением: перехожу к ресторанам и гостиницам, а там уж немного останется.

В путеводителе я прочла: «Гигантская гостиница “Прибалтийская”, повернутая своими пятнадцатью ресторанами к Финскому заливу, воспринималась советскими балтийскими республиками как напоминание о том, кто в доме хозяин. Сейчас, после распада СССР, гостиница опустела, но обслуживание, по русским меркам, неплохое. Персонал бегло говорит на том английском языке, на котором разговаривали герои Чарльза Диккенса. Но не будем слишком строги к русским, вдруг открывшим, что существуют другие страны кроме матушки-России... Сообщение с центром города отвратительное. Впрочем, вы можете взять напрокат легковую машину и оставлять ее на гостиничной стоянке».

Так, подумала я, стоянка. Надо проверить. Пусть редактор оценит мою добро-совестность.

- Здравствуйте. Это гостиница?
- Бюро обслуживания четырехзвездной гостиницы «Прибалтийская» слушает вас.
- У вас есть автостоянка?
- Есть, пожалуйста. Работает круглосуточно.
- Я надеюсь, что для туристов, живущих в вашем отеле, она бесплатна?
- Почему бесплатна? Очень даже платна.

– Сколько берете за сутки?

– Не знаю. Надо спрашивать прямо на парковке. Телефона там нет. Подъезжайте на стояночку и спросите Валерика. Он вам скажет расценки.

На часах было полпервого ночи. Мне советовали ехать в кромешную тьму по криминальному Васильевскому острову, чтобы узнать у Валерика что почем. Я подумала и написала: «Стоимость парковки вашего автомобиля – десять долларов в сутки». Это было мое первое с начала работы грехопадение.

Прошло три с половиной месяца. Один телефон сломался, и я купила другой. Но ни по старому, ни по новому не могла дозвониться до массажного салона «Стоик». То занято, то трубку не берут. А ведь полный список массажных кабинетов – вынь да положь. Я в сотый раз набрала осточертевший номер «Стоика» и услышала голос, который сказал кому-то:

– Вроде телефон звонит...

– Это массажный салон? – заорала я.

– Да... А как вы до нас дозвонились? У нас уже полгода, как телефон отключен. У нас и телефонного аппарата нет.

– А как же мы с вами разговариваем?

В трубке невесело рассмеялись, и голос пропал. Я встала, открыла холодильник, достала остаток «Синопской», выпила и вырубилась.

Слава тебе, Царица небесная! Техническая часть работы позади. Осталось написать, что мы поделяваем в свободное время. Я открыла путеводитель -- узнать, что об этом думают в США.

Итак, хобби русских:

1. Баня.

«С незапамятных времен в России любят баню. Перед Пасхой – главным событием года – помещики парились вместе с крепостными в знак примирения в день Светлого праздника. Сейчас в баню ходят, как в клуб: пьют пиво, играют в шахматы, читают газеты. Тут же в магазине можно купить venik - букет, составленный из веточек березы. Им русские выгоняют из организма токсины и шлаки».

2. Водка.

«Если вы идете в русский дом, купите хозяйке в подарок бутылку водки. Водку пьют двумя способами. Вариант первый: сделайте выдох и выпейте водку с ломтиком семги на закуску. Вариант второй: сделайте вдох, затем выпейте водку. У мужчин старшего поколения считается шиком сразу же понюхать корочку черного хлеба, не используя ее в дальнейшем в качестве закуски».

3. Культпоходы.

«Откройте субботний номер любой газеты. Городских жителей приглашают в культпоход, причем место сборов назначают у памятников бывшим коммунистическим вождям. Горожане организуются в группы, выбирают руководителя, и начинается коллективный поход вокруг озера или по местам кровопролитных сражений Второй мировой войны, или просто по сказочному русскому лесу, иногда с ночевкой. Культпоходы – это всё, что осталось от идеологии коммуны в современной России».

4. Семейный отдых.

«На уик-энд петербуржцы любят выезжать с семьей в загородные отели. Воскресным утром компания отправляется в лес и возвращается с корзинами, полными шампиньонов. На ужин повара отеля приготовят русской семье барбекю с только что собранными грибами, и всю ночь напролет будут слышны то шутки и смех, то раздольные русские песни. Воскресным вечером семья возвращается в город, чтобы на следующее утро влиться в людские колонны, шагающие на фабрики и заводы».

Мне понравилось, как мы отдыхаем. У нас тоже свободная страна: один идет в культпоход вокруг озера, а другой, попарившись в бане, выпивает сто грамм

водки после глубокого вдоха. Зачем писать заново, подумала я. Пусть всё останется как есть.

1998

ДОМ ХРОНИКОВ НА ЧЕКИСТОВ, 5

Выступить в каком-нибудь доме инвалидов шведский любительский хор хотел давно. Подыскать интернат должна была я, а репертуар и подарки хористы брали на себя. За месяц до приезда они позвонили из Швеции: «Мы хотим спеть старым людям, прожившим большую, тяжелую жизнь. Сейчас мы обсуждаем костюмы. Что будет уместнее: майки с Ельциным или строгие длинные платья, а на погончиках – двуглавые орлы?»

Найти интернат оказалось непросто.

– Ой, к нам нельзя. Мы только-только ремонт начали.

– Эдуард Эдуардович сейчас в отпуске, а без него ничего не решаем.

– Нет, спасибо; принять не можем. Мы тут сами артисты – и поем, и пляшем. Если бы вкусенького чего привезли, а так...

– Швейцария хочет приехать? А почему к нам? А не испугаетесь? У нас пол-интерната – дауны. Они в основном и придут, в зал-то.

Наконец интернат был найден на улице Чекистов, дом 5. Директор, Роберт Сергеевич, мне понравился: дурака не валял и подарки не вымогал.

– Сделаем, сделаем. Привозите. Народ соберем. Ходячих у нас сто, лежачих – двести двадцать. Комнаты показывать не будем – дух очень тяжелый. Покажем зимний сад и комнату с поделками. У нас художница жила, из зерен картины делала. Иностранцам нравятся, даже купить хотели. Так что приезжайте, примем.

В назначенный день тридцать хористов вошли в интернат. Торжественные, благоухающие, в ослепительных блузках и рубашках с маленькими трехцветными флажками на груди. Каждый нес сумку с подарками: сухие супы из шиповника (чтобы старым людям долго не возиться с готовкой), пакетики чая на нитках (вкус тропических фруктов), ментоловые пастилки (уменьшают сухость во рту) и много бальзама для волос (втирается в голову сразу после мытья шампунем).

Милые, милые шведы. «Надо привезти простые в употреблении и практичные вещи», – так, наверное, решили они, обсуждая, что везти «старым людям в России». Бальзам для волос – лежачим годами хроникам...

Держа в руках непостижимые, ненужные заграничные чудеса, интернатские вежливо слушали объяснения, как пользоваться подарками. На лицах стариков не было радости. Они будто чего-то стыдились: то ли собственной бестолковости, то ли своей убогой одежды.

Когда мы вошли в зал, там было всего пятнадцать человек. Роберт Сергеевич успокоил: «Вышли. Двадцать минут уже как вышли. Они из своих комнат полчаса до зала идут. Уже на подходе».

Те, что уже пришли, сидели в третьем ряду. Это были очень старые женщины с палочками. На многих были байковые кофты с карманами. При виде этих кофт сжималось сердце: последний раз я видела такие кофты сорок лет назад – бабушки бедных девочек носили такие бесполое кофты-балахоны. Время не властно над синей байковой кофтой. Ее носят в домах хроников. В зале обнаружилось несколько мужчин, почему-то в шляпах. Они заняли места за женщинами и время от времени трогали их за спину или плечи, не меняя выражения лица. Это были тихие дауны, и женщины никак не отвечали на их прикосновения, как будто кошка прошла и задела край юбки.

Хор поднялся на сцену. Зрители хлопали, но было видно, что их мысли далеко.

- Люди-то какие хорошие. Вот, и о нас вспомнили.
- Немцы это. У них в Германии голоса хорошие, я знаю.
- Дай Бог им здоровья. А нам-то уж чего, помирать пора. Печенье, и то давать перестали, с перестройкой-то.

Хватит про еду! Мешаете слушать.

После концерта артисты спустились в зал и сели в первые ряды: директор приготовил беседу об инвалидах СНГ. Старухи, наделенные мелкой властью, сгоняли пытавшихся сесть поближе к сцене.

Роберт Сергеевич не разрешил занимать первые два ряда.

- Я инвалид первой группы, имею право!
- Вы нахальная женщина. Я сама инвалид труда, тридцать лет проработала на одном предприятии, а не сажусь туда, где запрещено!

Когда мы уходили из интерната, нам навстречу попала маленькая бабушка в шлепанцах. Она только сейчас добралась до концертного зала, хотя «вышла» вовремя. Шведы окружили ее, умиленные ее уютным видом и словоохотливостью.

– Только сейчас дошла, родные вы мои, ноги не идут. Спасибо, что навестили нас, приезжайте еще, не забывайте. А? Чего говорят-то, доченька! Одна я, совсем одна. Сын утонул, а мне Бог смерти не дает. Жизнь-то совсем худая пошла...

– Что ты мелешь? – перебил ее мужчина на инвалидной коляске. – Переведите зарубежным гостям: у нас все есть. Парк вокруг интерната, газеты получаем. В цирк возят. Государство нас всем обеспечивает. Главное, чтоб мир был. Ленинские места гостям показывали? Нет? На «Аврору» обязательно съездите. Ну передавайте привет шведскому народу.

– Лиходеев, анализы сдавать, – сказала медсестра, проходя мимо. Мужчина повернулся, и тяжелая коляска покатила по коридору, в конце которого угадывался обшарпанный автобус и санитар, увозящий дешевый гроб.

1993

ИНОСТРАНЕЦ БЕЗ ПИТАНИЯ

Поступить на Восточный факультет было трудно, а учиться – еще трудней. Лера попала на кафедру, где студентов набирали раз в три года, по пять человек, кафедру истории Таиланда. Да, да. Тайский массаж и сиамские близнецы. Лерина специальность не сулила командировки в столицы мира. Реально было рассчитывать на место младшего научного сотрудника в Институте востоковедения, окнами на Неву.

Лера как раз заканчивала дипломную работу – «Экономические отношения в средневековом Сиаме» – когда советская власть, почти родная, ушла не попрощавшись. Ни инструкции не оставила, ни тезисов. «Живите как хотите. Няnek больше нет: рынок».

Институт востоковедения задышал на ладан, и сектор Юго-Восточной Азии предупредили: научные темы закрываются... Сушите сухари. Лера устроилась в детский центр «Живулька» – вести исторический кружок. Дети были маленькие, кружок платный. Чтобы сохранить контингент, Лера рассказывала детям сказки. Занятия проходили так: Лера садилась на ковер, открывала книгу, принесенную из дому, дети ложились рядом, замирали.

«Аладдина отвели в баню. Там его вымыли и размяли ему суставы, потом ему обрили голову, надушили и напоили розовой водой с сахаром».

Некоторые куски, знакомые с детства, поражали Леру новым смыслом.

«– Знаешь ли ты какое-нибудь ремесло, юноша? – спросил старик.

– Я знаю счет, письмо, читаю по звездам. Я знаю все науки, – ответил принц.

– На твое ремесло нет спроса в наших землях. Жители нашего города не знают ничего кроме торговли. Возьми топор и веревку, иди в лес и руби дрова. Продавай их и кормись этим. В день ты можешь заработать полдинара».

Дети со здоровой психикой засыпали, не дослушав сюжета. А самые впечатлительные слушали, затаив дыхание: «Я Дахнаш, сын Кашкаша, – вскричал старший джинн...»

Через два месяца «Живульку» закрыли. Некоторые педагоги устроились в школу раннего развития «Взмах», а Лера замешкалась. Потом немного подождала, не позовут ли ее. Никто не позвал. «Ну и черт с вами и вашим ранним развитием, – подумала она. – Посижу дома, займусь своими детьми».

С мужем Лера разъехалась. Почему – никому не рассказывала. Жила с дочкой и мамой. Выйти снова замуж хотелось, хоть за эллина, хоть за иудея. Были бы общие интересы и немного чувств. Много чувств не надо, плохо кончается. Но где Его взять-то? Раньше знакомились на конференциях, симпозиумах. Делаете доклад. «Есть ли вопросы к докладчику?» Встает мужчина во втором ряду. «Вы разделяете гипотезу Сингл-Дуббеля, что славяне позаимствовали хомут и дугу у китайцев?» Отвечаешь, а потом он, задавший вопрос, подходит в перерыве, хочет продолжить дискуссию. Ты ему о межплеменных распрах домонгольского периода, а он приглашает в ресторан. Оказывается, это была судьба. В общем, теперь оба живут зимой в Принстоне, летом на Гавайях.

Лере попало на глаза объявление: «Набираем внештатных экскурсоводов в Эрмитаж. Сдавшие экзамены получают право водить обзорные экскурсии». Три миллиона экспонатов, двадцать два километра по наборным паркетам. А на подготовку остается две недели. Теперь по утрам Лера бежала в Эрмитаж, увязывалась за экскурсионной группой, слушала, записывала. Потом проходила по маршруту еще раз, с другой группой. У женщин-экскурсоводов Лера обнаружила единый стиль: гладко зачесанные волосы, клетчатая юбка, шаль. От ежедневного общения с шедеврами в них появилось элегическое достоинство и кастовая мудрость: вы придете и уйдете, а Лиможские эмали и камеи Гонзага останутся здесь навеки. Спросе Эрмитажа Лера, на чугунных ногах, топала в Публичку, обкладывалась справочниками. И чем больше читала, тем больше ей хотелось выдержать экзамен, накинуть шаль и заскользить, опустив голову, по прохладному полу Двадцатиколонного зала.

Наступил день экзамена. Комиссия сидела в помещении дирекции, за двойными дверями. Желаящие получить работу, молодые и пожилые, шелестели путеводителями. Народу было много, но первым идти на расправу никто не хотел.

– «Старушка за чтением» – это Рембрандт или ученики?

– Люди, кто такой Полифем? Скульптор или архитектор?

Лера вздохнула и шагнула через порог. Что знаю, то знаю. Чего бояться? И директора Эрмитажа завалить можно.

– Садитесь, пожалуйста.

Вокруг стола красного дерева сидели четыре женщины-экзаменаторши. В одной из них Лера узнала экскурсоводку, к которой примазывалась на экскурсиях. Та тоже узнала ее и шепнула что-то на ухо соседке.

– Вы окончили Восточный факультет? Ну тогда расскажите нам про историю комплектования у нас в музее сасанидского серебра.

Лера посмотрела в окно. На Неве покачивался «метеор», началась посадка на Петергоф. Не получив ответа, экзаменаторы задали второй вопрос: техника бальзамирования у кочевников Алтая. Не жди третьего вопроса, прощайся, сказала себе Лера. Экзаменаторы смотрели на нее с участливым сожалением. Полупустой «метеор» отчалил от пристани.

– Между прочим, существуют двухлетние подготовительные курсы. Платные, – сказала ей в спину знакомая экскурсоводка.

Деньги кончились, и Лера перешла на овес и тушеные овощи. Стало ясно: амбиции в сторону, надо что-то решать. Лера стала читать объявления. Все хотели что-нибудь продать. Желających купить было меньше, и им нужно было то, чего у Леры не было: «Всегда купим крахмал набухающий кукурузный».

Работу тоже предлагали: ночная уборщица в метро, контролер в автобусный парк (обращаться на Глиноземную улицу). От названия «Глиноземная» гасли все желания. В Доме книги Лера полистала перечень профессий: сортировщик невымытой шерсти, древопар, варщик шубного лоскута. Представила их себе немолодыми благообразными пролетариями. Учились, овладевали специальностью. Сортировщик невымытой шерсти выпивал, конечно. Их фабрики теперь закрыты, люди разбрелись в разные стороны.

Знакомые, окончившие естественные или, как Лера, противоестественные факультеты, советовали: маму и дочку отправь в деревню, а комнату сдай иностранцу.

– А сколько брать за комнату?

– По обстоятельствам. Сто – сто двадцать в месяц. Долларов. Некоторые хотят, чтобы был завтрак и ужин, но связываться с едой не советуем. Не угодишь.

Лере повезло. Первый же иностранец, англичанин, не только хотел снять комнату на три недели, но и желал заниматься русским языком, за отдельную плату. Два часа ежедневно, с учителем. Она же хозяйка квартиры.

Голос по телефону был молодой, говорил почти без акцента.

– Сколько вы хотите за вашу комнату?

– Семьдесят пять за три недели.

– Круто.

– Вы считаете, что это дорого?

– О'кей. Приезжаю через три дня. Диктуйте адрес.

Он появился в шесть утра. Долговязый, в лыжных ботинках. Очень прыщавый. За спиной рюкзак. Майкл приехал из Омска, где год работал в банке консультантом.

– Ну как, Майкл, было в Омске?

– Кошмар.

– А где вы учились русскому языку?

– Год в Англии, а потом на курсах при МГУ.

– Ну и как вам понравилось в Москве?

– Кошмарно.

– Куда вы дальше поедете – в Омск или в Англию?

– Много будете знать, скоро состаритесь.

Ну и ну, подумала Лера, где это он такого нахватался. И ведь обо мне скажет потом: кошмар.

– Вот ваша комната, вот ванная. Чувствуйте себя как дома.

– А горячая вода есть?

– Есть.

– Пока есть, – Майкл сверкнул очками. – Потом ее отключат.

Опытный, решила Лера.

В восемь утра англичанин заходил в ванную и пускал воду. Вода лилась и лилась, и не было этому конца. В девять он переходил в кухню и ел там что-то свое. В кухне он не включал воду вообще. Наверное, питался сухим кормом. После завтрака англичанин готовился к уроку: читал газету «Ваши финансы» и выписывал все незнакомые слова и выражения. В полдень начинался урок. Майкл читал вслух газетную статью, останавливаясь на непонятном.

– «Этот бытийный контекст, к сожалению, не артикулируется в нашем социуме».

Про что это?

– Журналист имеет в виду, что народ не хочет обсуждать эту проблему.

Англичанин почесал грудь, вздохнул и перешел к спортивной странице.

– «Нападающий Колотовкин фрагментарно подрастерял голевое чутье». Давайте разберем по слову.

Жилец заучивал выражения, ненужные ни на работе, ни в быту. Чем они ему понравились, объяснить не мог. «Забор воды», рыба «голый прямун», «Продается девочка-боксер от злобных родителей». Иногда у него было игривое настроение, и он спрашивал Леру: «В каком слове семь “о”? Не знаете? *Обороноспособность!* А три “щ”?»

– Дайте подумать.

– Не надо думать. *Защищающий!*

Последние полчаса Лера занималась с учеником устной практикой. Вопрос – ответ.

– Майкл, где живут ваши родители?

– Отец в Египте, мама в Испании.

– А в Англии у вас есть родственники?

– Нет.

– Вы женаты?

– Я свободный.

– Что вам нравится в России?

– Русский язык и женщины.

После урока Майкл уходил из дома. Возвращался непоздно, проходил в свою комнату и затихал. Вечером, когда Лера уже лежала в постели, жилец шел на кухню, жарил мороженный шпинат. Кровать англичанин не убирал. Одеяло клал на стул, на подушку – плеер с наушниками, под кровать – англо-русский словарь. Лампу он вообще не выключал. Так она и польхала весь долгий июльский день. Работает под милого чудака, решила Лера.

Урок окончен. Входная дверь хлопнула, англичанин ушел. Лера выглянула в окно. Он понуро брел по пустынной летней улице, один в целом мире. Остановился у ларька, подошла молодая попрошайка и показала ему что-то. Англичанин покачал головой, обогнул ее и двинулся дальше, и оба скрылись за поворотом.

Бедный ты мой, ну и хозяйка тебе попалась. Ни на балет, ни на концерт не пригласит. Зациклилась на домашних заданиях: составьте диалог покупателя и продавца, опишите дом с привидениями.

На выставку Лера отправилась только ради ученика, из чувства долга. «Алина Крюгер. Персональная выставка. Жизнь как утрата. Вход свободный». В пустом зале бродил бородач с дамой. На некоторые работы он смотрел через дырку в кулаке, чувствовался профессионал. Лера тоже посмотрела через кулак, но разницы не заметила: все те же обнаженные мужчины на курьих ножках, а на заднем плане пагоды в огне. В буклете про Алину было сказано: «Художница проецирует притчевый мир на пространство бесконечного». Интересно, где и как учат писать искусствоведческие тексты? Наверное, с этим рождаются. Бывая в гостях, Лера любила листать художественные альбомы и, посмотрев репродукцию, прочесть, что об этом пишет специалист. Видишь: мальчик накрыл насекомое сачком, по бокам ангелы трубят в пионерские горны, в небе самолет со знаками зодиака на борту. Читаешь: «Художник рассматривает холст как культ мгновения, где упрямство деталей взаимодействует с попыткой осмысления будней». Думаешь: автор текста мало бывает на воздухе, держится на кофе и сигаретах, интимная жизнь чем-нибудь осложнена...

– Ну как, Майкл, понравилась выставка?

– Интересно. Я думаю, что художница – национал-патриотка.

– Почему?

– По кочану.

Так, подумала Лера. Приехали. Русский язык начинаем учить сначала.

На субботу и воскресенье Лера поехала за город, к своим. Просила Майкла дверь никому не открывать и написать сочинение «Как я провел выходные». Сейчас попьем вместе чаю, думала Лера, подходя к дому вечером воскресенья, надо ученику больше внимания уделить, последняя неделя пошла. Еще в передней Лера почувствовала: жарили мясо, со специями. Вошла на кухню. Пол вымыт, от помойного ведра тянет освежителем воздуха «Рогнеда». Открыла холодильник. Так и есть: на полке, отведенной англичанину, домашняя снедь. Женщина! На два дня оставить нельзя, бабу привел. Причем она сейчас здесь, в квартире.

Майкл вышел в коридор.

– Добрый вечер, Лера. Вы не против, если у меня в гостях друг?

Друг тоже вышел из комнаты. Короткая юбка, кривоватые ноги на высоких каблуках. Смирненное личико без косметики. Такие берут мертвой хваткой.

– Снежана. – Девушка протянула мягкую, как тряпочку, руку. – Мы с Майклом английским языком занимаемся.

Лера молча ушла в свою комнату и закрыла дверь. Неужели на ночь останется? Мы так не договаривались. С другой стороны, сдала комнату – и не возникай. Уплачено.

Из комнаты англичанина доносился смех. Чем она его так рассмешила? В коридоре зажегся свет. И опять послышался смех. Пошел провожать, слава Аллаху, вздохнула Лера, засыпая.

Майкл вернулся домой только утром. Веселый. Уже не одинокий.

– Я теперь буду жить не здесь. Изменились обстоятельства, извините.

Он протянул конверт.

– Плачу, как договаривались, за весь срок.

Лера так растерялась, что спросила:

– И русский язык вам больше не нужен?

– Не беспокойтесь. Нет проблем.

Больше вопросов Лера не задавала. В опустевшей квартире ничего не хотелось делать. Стыдно было вспоминать, как спешила с дачи, от плачущей дочки – завтра урок! – в электричке, в тамбуре, зажатая между рюкзаками, придумывала упражнение на числительные: пятьюстами шестьюдесятью четырьмя мальчиками, о девятистах сорока девяти девочках...

– Нельзя привязываться к жильцам, – возмутилась Лерина подруга, та, которая работала в квартирном бюро. – Ты бы еще в них влюблялась. Не переживай. Бери карандаш и записывай: первое, супружеская пара из Новой Зеландии, миссионеры. Лечат вензаболевания словом Божьим. Им нужна комната на месяц и чулан для миссионерской литературы. Второе, чемпионка Кракова по армреслингу, с подругой. Просят комнату на всё лето без мебели, и чтоб на полу два тюфяка. Думай, только быстренько. Ответ - завтра.

1997

ДЕРЕВНЯ

Из Москвы в деревню ехали в общем вагоне. Оля еще на вокзале настроилась: народ люблю, всем социальным слоям сочувствую. Опытная Татьяна штурмом взяла две верхние полки, и Оля быстро залезла наверх и затихла, обдумывая: надо ли угощать попутчиков печеньем после того, как в борьбе за спальное место ты двинула их рюкзаком.

Было только девять часов вечера. Спать рано, читать темно. Удобно было только думать. Да, вот так живут люди, так они ездят в поездах. Простой человек брезглив, вот он и писает в тамбуре, чтобы не заходить в грязный туалет.

Татьяна еще при Горбачеве первая купила избу в деревне. Теперь в соседнем Княжеве живет балерина с кинокритиком, в Воробьевке – пара историков-медиевистов. «Кругом московская мафия», – говорили местные. Татьяна каждое лето звала: приезжай, поживи в настоящей деревне. Лес, тишина...

Оля помнила зимние городские сумерки. Учительница читает из «Русской речи»: «Меж высоких хлебов затерялося Небогатое наше село...» Оля окончила школу с золотой медалью, но все пятерки и похвальные листы не удержали забрезжившего было жениха. И умение чертить втулку в трех проекциях не помогло отличить зло от добра, а от Некрасова осталась печаль, вещь в жизни необходимая.

– В Загорье женщина есть, пьесы пишет, – сказала Татьяна. – В Москве о ней все уши прожужжали, а она в четырех километрах от меня живет. Ее за границей ставят. В гости ходим.

Ночью в вагон села тетка с мешком, который ходил ходуном. Как только поезд тронулся, поросенок завизжал и визжал до самого утра. Пенсионерка с боковой полки посочувствовала: «Устал, наверно, в мешке лежать, вот и нервничает». Тезис о долготерпении народа подтвердился. Спали не раздеваясь. На третьей полке лежали мужчины в обуви, лицом к стенке. Мужчины поехали дальше, а Оля с Татьяной, помятые, сошли в Осташкове в пять утра.

Страшно открывать дверь избы, где год никто не жил. В сенях – ведра с прошлогодней водой. На диване мертвая мышь. И начатый пасьянс «косынка» на столе.

День приезда не регистрируется в книге жизни, и Оля ходила туда-сюда, ожидая наступления гармонии. Когда ложилась спать, ей показалось, что она стала естественней и проще.

Утром Оля взяла ведро и пошла к колодцу в конец деревни. Из соседних ворот вышла корова, выпачканная свежим навозом. Три курицы собрались было проводить подругу, но передумали и повернули назад.

– Посрет, посыт и лягит, – сказала хозяйка, снисходительно глядя на корову. – Скажите Татьяне, сегодня хлеб привезут.

О прежней деревне Оля знала от домработницы Дуси. Дуся рассказывала охотно, с тайным уважением к тирану.

– Косить не давал. Ну не давал косить, и всё тут. Ложки отбирали, доча. Зеркальце отобрали. Перед Троицей мать увидела, что опять из сельсовета к нам, идут, два раза чохнула кровью и померла.

В полдень Татьяна с Олей лежали на одеяле в саду. Мимо проехал мужик на велосипеде, тактично не глядя на праздных женщин. Больше в этот день Оля никого не встретила на улице. Деревня отдыхала: нет больше ни кнута, ни пряника. Тишина.

Перед ужином Татьяна посмотрела в окно.

– Анюта идет. Жива еще. Мужа в прошлом году похоронила.

Во двор вошла маленькая женщина с темным лицом, одетая в детское.

– С приездом. Мне Валька в магазине сказала, что вы приехали.

Татьяна разговор не поддержала. Аня подождала, не будет ли проявлен интерес к ее приходу. Интересы не было.

– Дай, Татьяна, чего прошу. Я тебе отработаю. Грибов принесу.

– Аня, тебе раз дашь, ты каждый день таскаться будешь. Ты меня прошлым летом достала. Я с подругой приехала, хочу пожить спокойно.

– А я бы вам баню протопила, воды принесла.

– Аня, иди домой. И сюда больше не приходи.

Из окна было видно, как Аня, гонимая жаждой, бежала через луг в другую деревню.

– К Вайскопфу почесала, к переводчику, – сказала Татьяна. – И зря. Вайскопфы ей не нальют.

Деревня ждет от москвича, чтобы он посадил-выкопал, собрал-насушил и в августе уволок неподъемное в Москву. И долго тянется деревенский день, если ты приехала полежать под яблоней, надеясь, что смятение и тоска остались там, в столице.

– Завтра пойдем к Яковлевым, – объявила Татьяна. – Посмотришь, как люди живут.

До Яковлевых было часа два ходу. Дорога шла через три деревни. Огороды вспаханы, дрова наколоты, но ни одной живой души не видно ни в окнах изб, ни в поле. Только кошки на каждом крыльце, и те в глубоком оцепенении. Прошли мимо церкви, так давно разоренной, что неинтересно было говорить на эту тему.

Яковлевы, муж и жена, рано вышли на пенсию, продали квартиру на Севере и переселились в деревню навсегда. Всё построили своими руками.

Посреди уютного двора стояло кресло-качалка. Под навесом – «москвич» с открытыми дверцами. В окне сарая виднелся профиль белоснежной козы.

– Заходите в дом, – пригласила хозяйка Вера.

Клетчатая скатерть на столе, книги от пола до потолка, краски и кисти в высоком стакане: знакомый уют московской семьи.

– Даже не хочу вспоминать городскую жизнь. Зимой ходим только за хлебом, в остальном живем автономно. Овощи, мясо – всё свое. Не можем доесть прошлогоднее варенье.

Качалка во дворе была уже занята: молодая загорелая девушка в белом сарафане уютно ела малину из глубокой тарелки. На земле лежали исписанные листы бумаги.

– Леночка, как выкупалась? – спросила Вера, вынося из дома стулья для гостей.

– Ленка так быстро пишет, прямо феноменально. Две пьесы уже опубликованы, и в Польше сейчас ставят одноактную. Критика очень хорошая. Лена, прочти что-нибудь. Про Шешая, например.

Леночка, не ломаясь, нашла страницу и стала читать:

«ШЕШАЙ сидит на русской печи в космическом скафандре. Входит МАЛЬЧИК.

МАЛЬЧИК: Шешай, мама учит мертвые языки. Скажи ей!

ШЕШАЙ: В Японии мох символизирует старость.

МАЛЬЧИК: Красноперая рыба опять вышла на сушу. Зачем, Шешай?

ШЕШАЙ: Я видел из космоса, как учительницы воровали еду в детских домах. Я видел мир без грима. Попроси мать принести земляных груш, я перехожу в другое измерение.

Из сеней появляется ДЕВУШКА с большим треугольником в руках. Напевая финал шестой симфонии Малера, она скрывается в подполе. ШЕШАЙ слезает с печи и начинает кружиться по избе. Потом подходит к окну и влезает на подоконник. С криком «Конец цитаты» прыгает из окна».

Леночка кончила читать. Оля сидела, не шелохнувшись, боясь встретиться с ней глазами.

– Очень интересно, Лена. – Татьяна достала пачку сигарет, и все молча ждали, пока она найдет зажигалку и закурит. – У меня только одно замечание: не совсем убедительна девушка с треугольником, мотивация ее появления.

Леночка улыбнулась.

– Татьяна Ивановна, ну что вы... Девушка – это совесть Шешая.

Когда во двор Яковлевых вошла корова, Татьяна с Олей стали прощаться. Перед уходом они получили рюкзак с огурцами и бидон с малиной.

– Между прочим, Мичурин никто не отменял, – напутствовал их Яковлев-отец. – В следующий раз угощу фейхоа.

– Ну что? – спросила Татьяна, когда дом Яковлевых скрылся за поворотом.

– Новые люди, – ответила Ольга. – Об этом мечтал поэт: утром дойка, вечером беседы у рояля.

Всю обратную дорогу она вспоминала пьесу и от приступов дикого хохота то и дело останавливалась. Татьяна улыбалась, но обсуждать пьесу не захотела.

Дома, на крыльце их ждала Аня. Рядом лежал гостинец: авоська с незрелыми яблоками. Татьяна молча отперла избу, достала из буфета «Русскую», налила стакан и вынесла на крыльцо. Аня взяла стакан маленькой коричневой рукой и выпила залпом.

– Вылечила ты меня. Завтра приду, полы вам помою.

Татьяна прилегла на диван и провалилась в сон. Оля поняла, что не заснет. Захотелось поговорить с маленькой Аней. Ведь была же у нее и другая жизнь, была и она молода. Оля вышла на крыльцо. Аня лежала на боку, прежнее страдание ушло из ее лица. Вокруг головы рассыпались зеленые яблоки. И будить ее не было никакого смысла.

1995

НЕ НАЗЫВАЯ ФАМИЛИЙ

Всю жизнь меня спрашивали: вы из каких Толстых? Лев Толстой вам кем приходится? На военной кафедре университета, где из нас, филологов, готовили медсестер запаса, полковник обращался ко мне так:

– Студентка Тулстая, расскажите о гигиене ног в походе.

Однокурсницы, отсмеявшись, ерничали:

– Товарищ полковник, зачем вы девушку оскорбляете?

Полковник надевал очки:

– Тут неразборчиво написано... Студентка Толстых, отвечайте на вопрос!

Много интересного узнавала я о нашей семье:

– Я читал, что «Приключения Буратино» написал Бунин, а Алексей Толстой у него выкрал и напечатал под своим именем.

– Говорят, что еще до войны Толстому оставили латифундию с крестьянами, а Ворошилов подарил ему самолет.

– Правда, что Алексей Николаевич завещал каждому внуку по миллиону?

– У вашего дедушки есть прелестная вещь: «Средь шумного бала, случайно...»

Когда Алексей Толстой умер, мне было два года. Бабушка, Наталия Васильевна Крандиевская, прожившая с Толстым больше двадцати лет, написала книгу воспоминаний. В них есть всё: и любовь, вспыхнувшая накануне мировой войны, и эмиграция, и возвращение в Россию. Жизнь в Ленинграде и Детском Селе. Война и блокада.

Смотрю на фотографию. Бабушке шестнадцать лет, рядом брат, сестра, родители. Их прекрасные лица спокойны. Они жили в необыкновенной, неповторимой стране, где было много, очень много людей с прекрасными лицами.

Из чужого альбома выпали снимки – юный кадет с товарищами, пожилой офицер с маленькими дочками, полный достоинства пролетарий с красавицей-женой. От них не оторвать взгляда. Я не хочу думать о том, что с ними стало, когда пришли новые времена.

К дворянским титулам бабушка Наташа относилась с юмором. В четырнадцатом году, выйдя замуж за гр. А.Н.Толстого, она стала вашим сиятельством.

– Три года посила, – говорила она. – В семнадцатом году сияние погасили.

Бабушка любила вспоминать, как однажды после войны, закутанная в платок, она садилась в трамвай. Сердитый дядька прикрикнул на нее:

– Куда прешь, колхоз?

В родильном доме я лежала рядом с заведующей баней. Услышав мою фамилию, она сказала:

– А меня из-за тебя в школу не приняли.

– Не придумывай!

– Бабушка привела меня записывать в первый класс, а ей сказали: девочке нет полных семи лет, приходите на следующий год. В этом году у нас будет спецкласс – внучка Алексея Толстого поступает.

Я так громко смеялась, что пришли мамы из послеродового отделения, посмотреть, в чем дело. Знала бы эта женщина, в какой семье я росла. Нас было семеро братьев и сестер – веселых, плохо одетых дворовых детей. Мы сами себя развлекали и были близки к народу – к няне и домработнице.

Набегавшись во дворе, мы вваливались в квартиру, куда вскоре приходили учительницы французского и музыки. Дети учиться не хотели, ленились, а я была особо неспособна к музыке и долго не понимала, зачем нужно учить иностранные языки.

Пятнадцать синих томов стоят на полке, и во всех томах – фотографии писателя, сделанные в разные годы. Я всматривалась в черты лица то хмурого, то просто усталого человека, пытаюсь вызвать в себе родственные чувства. А когда прочла в первый раз рассказ «Ибикус», то ощутила преступную семейственную связь с автором: это написала я. Вернее, я хотела бы так написать.

И сегодня людям не дает покоя наша фамилия.

Сдаю белье в прачечную.

– Как фамилия? – спрашивает приемщица.

– Я же написала в квитанции – Толстая.

Женщина перестает считать наволочки.

– Толстой – это кто, Горький?

Ее начитанная напарница выходит ко мне из-за перегородки.

– Скажите, а правда, что Алексей Толстой – это псевдоним? Как его на самом деле звали?

Мне хочется ответить: «Настоящая фамилия Чехов, а по матери – Достоевский». Я расплачиваюсь и ухожу, потому что больше не могу отвечать на такие вопросы.

В той комнате в Елабуге, где я, не к месту родившаяся в сорок третьем году, лежала в корзине, дедушка Михаил Леонидович Лозинский заканчивал перевод дантовского «Рая». Комната была проходная, освещалась коптилкой, на стенах проступал лед.

Копировальной бумаги в Елабуге было не достать, и сын Лозинского, с трудом раздобыв копирку, прислал телеграмму с радостным известием. На телеграфном бланке стояло: «Жопировальную бумагу выслал». Ниже была пометка почтового отделения: «Жопировальная. Так». С тех пор копировальную бумагу в нашей семье иначе не называли. Из эвакуации Михаил Леонидович и Татьяна Борисовна вернулись в свою прежнюю квартиру на Кировском проспекте. У Татьяны Борисовны были любимцы: Герцен, Чернышевский и Добролюбов. Потом я обнаружила, что Александр Иванович замечательный писатель, а Николай Гаврилович – наоборот, но бабушка любила их одинаково и жила по их заветам: долг гражданина – помочь товарищу в беде. А в беду в те чудесные послевоенные годы попадали почти все, кто уцелел в тридцатые. В квартире на Кировском было тихо: дедушка работал. Бабушка Лозинская с укором смотрела на вольную, безмятежную жизнь толстовских детей. Лучше бы сели за книгу или помогли неимущим.

Летом мы вместе с Лозинскими жили на даче в Кавголово. Дедушка появлялся к обеду и общался с внуками, как с друзьями: с уважением и интересом. Вечерами мы играли в буриме, писали рассказы или повторяли за бабушкой скороговорки

из его детства: «Вы не видели ли, Лили, лили ли лилипуты воду?» «Ну-ка, детка», — дед кадетику сказал“. Мне было одиннадцать лет, когда Михаил Леонидович спросил меня: «Как ты думаешь, можно ли написать: “Она взяла себя в руки и села за стол“»? Перед ним лежала книга одной ленинградской писательницы. Я не знала, как ответить, чтобы дедушка остался мной доволен, и надолго задумалась. Он улынулся и погладил меня по голове.

Почти полвека прошло с тех пор, как Михаил Леонидович любовался через дачное окно озером Хеппо-ярви. Теперь из-за разросшихся деревьев и кустов озера больше не видно. А плакат, нарисованный внучкой Катей ко дню рождения дедушки, так и висит на веранде. На нем изображен дедушка с палкой. Он смотрит вверх на дерево. Внуки гроздьями свисают с веток. Сбоку написано:

Дедушке, лучшему в мире,
Мы поздравление шлем.
Носится радость в эфире,
Дедушку любит весь дом.

Михаил Леонидович стихи похвалил, он всегда поощрял литературные устремления внуков.

После дедушки осталось много шуточных стихов. На новый сорок шестой год он посвятил своей дочери, моей маме, такое стихотворение:

Прекрасной дочерью своей
Гордился старый Кочубей,
Сошедший с плахи в ров могильный.
Будь он свидетель наших дней,
Он умер бы еще страшней:
От корчей зависти бессильной.

Жизнь Лозинских в советской России шла по краю пропасти. Несколько раз они уже скользили по кромке, но чудом удерживались.

Мне повезло: я их застала, я их помню. Не знаю, с кем их сравнить: с первыми христианами, с греческими стоиками или с энциклопедистами эпохи Просвещения.

Умершие в один год и день, они вечно едут в поднебесье на золотой колеснице — небожители, почему-то оказавшиеся моими дедушкой и бабушкой.

1998